

Арзамазов Алексей Андреевич

ОБРАЗНЫЕ КОНСТАНТЫ ДВЕРЬ И ОКНО В ПОЭТИЧЕСКОМ МИРЕ ВИКТОРА ШИБАНОВА

В статье рассматриваются образные константы дверь и окно в поэзии В. Шибанова, представителя удмуртского этнофутуризма. Выявляются основные художественно-семантические функции двух образов, устанавливается их сопряженность с удмуртской традиционной культурой, мифологическими представлениями. Дверь и окно в поэтическом восприятии В. Шибанова являются многомерными экзистенциальными символами, характеризующими бытие лирического субъекта, его внутренние переживания, индивидуальное ощущение времени, пространства.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/3-2/4.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 3 (45): в 3-х ч. Ч. II. С. 20-23. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/3-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

Список литературы

1. **Аристотель.** Поэтика. Об искусстве поэзии. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1957. 184 с.
2. **Ветловская В.** Мир , Униженных и оскорбленных: вступ. ст. // Достоевский Ф. М. Униженные и оскорбленные: роман в 4-х ч. с эпилогом. Л.: Художественная литература, 1981. С. 3-16.
3. **Достоевский Ф. М.** Униженные и оскорбленные: роман. Л.: Художественная литература, 1989. 368 с.
4. **Кокова А. В.** Категория модальности в логике и языке (на материале немецкого языка) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 9. С. 84-88.
5. **Русская грамматика:** в 2-х т. / гл. ред. Ю. Н. Шведова. М.: Наука, 1980. Т. 2. Синтаксис. 709 с.
6. **Wales K.** A Dictionary of Stylistics. Harlow: Pearson Education Limited, 2001. 429 p.

DISCURSIVE MODALITY OF F. M. DOSTOYEVSKY'S NOVEL "HUMILIATED AND INSULTED"

Andreeva Kira Alekseevna, Doctor in Philology

Chervyakova Tat'yana Olegovna

Tyumen State University

tscherta@rambler.ru

The article is devoted to the discursive and textual analysis of the extracts of F. M. Dostoevsky's novel "Humiliated and Insulted" which represent the conceptual opposition "Poverty – Wealth". The analysis is conducted from the perspective of a new, extensive approach to modality in terms of discourse which is given the name of "discursive modality".

Key words and phrases: modality; cognitive poetics; voice; point of view; discourse.

УДК 821.511.131

Филологические науки

В статье рассматриваются образные константы дверь и окно в поэзии В. Шибанова, представителя удмуртского этнофутуризма. Выявляются основные художественно-семантические функции двух образов, устанавливается их сопряженность с удмуртской традиционной культурой, мифологическими представлениями. Дверь и окно в поэтическом восприятии В. Шибанова являются многомерными экзистенциальными символами, характеризующими бытие лирического субъекта, его внутренние переживания, индивидуальное ощущение времени, пространства.

Ключевые слова и фразы: современная удмуртская поэзия; этнофутуризм; художественный мир; образная система; удмуртская традиционная культура; хронотоп.

Арзамазов Алексей Андреевич, к. филол. н.

Удмуртский институт истории, языка и литературы Уральского отделения Российской академии наук
arzami@rambler.ruОБРАЗНЫЕ КОНСТАНТЫ ДВЕРЬ И ОКНО
В ПОЭТИЧЕСКОМ МИРЕ ВИКТОРА ШИБАНОВА

Одним из приоритетных, универсальных направлений исследования литературы, произведений поэтического искусства является интерпретация образной системы, так называемых мотивно-образных кластеров. Особое место в рамках данной стратегии занимает обращение к предметному миру, вещевому коду. Предмет, вещь в , текстах культуры могут быть как поверхностной, так и глубинной структурой, связанной и с профанным, и с сакральным измерением бытия. В младописьменных литературах, к которым относится и удмуртская, те или иные вещи, предметы нередко семантически коррелируют с мифологическими представлениями, нюансами ритуально-обрядовой практики. Вместе с тем в поэтическом мире, наверное, любой предмет может превращаться в релевантный эстетический знак, быть частью художественного целого. Именно в контексте такой амбивалентности можно рассматривать образные константы *дверь* и *окно*.

Дверь и окно в широком понимании – вещи, , атомы вещно-предметного мира: , Вещь, будучи элементом "низкого" творения, становится существенным, а в какой-то мере и основным индексом истории и культуры [1, с. 122]. Очевидно, что символы двери и окна в образном словаре творчества современных удмуртских поэтов занимают видное место. Изначально являясь материальными атрибутами повседневности, в художественном преломлении они раскрываются как семантически многогранные слагаемые авторской мир-системы (И. Валлерстайн). На фоне разнородных индивидуально-авторских частных дверей и окон в аспекте смысловой реализации обнаруживают важную общую черту: речь идет о выражении концептуального

значения границы (пространственной, временной, экзистенциальной). Двери, окна – регулярные образные составляющие удмуртских поэтических миров – нередко маркируют глубинную связанность лирического субъекта с мифологическим контекстом: высшие потусторонние силы, явления словно ожидают выхода человека на нейтральную территорию, напоминают ему, что многое в жизни предопределено, подчинено воле рока. Там – за дверью / окном обретается вдохновение, отыскиваются сюжеты для творческого осмысления, там встречаются реальное и мифологическое, фантазийное.

Дверь и окно представлены в системе поэтических образов Виктора Шибанова, одного из ярких представителей удмуртского этнофутуристического течения. Для выявления семантических вариаций этих символов в творчестве поэта обратимся к одной из наиболее знаковых для современной удмуртской литературы книге . ǂ sĭ (. Дверьĭ). Стихи из этой книги, датированные первой половиной 1990-х гг., отличаются значительной долей автобиографичности, документальности. Виктор Шибанов поэтически запечатлевает первые постсоветские годы, консервируетĭ свои впечатления, переживания. Необходимо подчеркнуть, что книга . ǂ sĭ совсем не большая по своим объемам, однако, ее образный словарь вмещает в себя множество ранее не привлекаемых в удмуртской поэзии символов. Здесь появляются новые мотивно-образные параллели, возникают новые контексты художественной актуализации сквозных образов национальной поэтической традиции.

Конструируя городские хронотопы, В. Шибанов регулярно останавливает свой взгляд на неприметных деталях, предметах, связывающих пространство и человека. Так, двери магазина в контексте стихотворного сюжета семантически коррелируют с образами женских персонажей. Около дверей стоят, разговаривают, флиртуют с кем-то незнакомые девушки: . Магазин Фс дорын / Ньльёс куспазы забыльто вал. / Шуак / Соос берытско но жингрес куараен / Шудъъ синьёсын вазыло кинлы ке, / Гурак серекто. Но кинлы?ĭ [2, с. 14]. / . У двери магазина / Девушки болтали между собой. / Вдруг / Они оборачиваются и звонким голосом, / Играющими глазами обращаются к кому-то, / Громко смеются. Но для кого?ĭ. В данном случае В. Шибанов поэтически описывает жизнь в городе. Слово фотограф-любитель, он вырывает из реальности случайные кадры. Позже пересматривая их, он понимает документальную, ментальную ценность . снимковĭ: простые горожане, ижевчане на сломе эпох, времен, невзирая на тотальную бедность . раннихĭ девяностых и неопределенность завтрашнего дня, не переживают, не рефлексируют, а, как и прежде, радуются жизни, будто ничего не произошло. Девушки смеются, они, возможно, пребывают в поисках любви, их не волнуют драматические события современности. Очевидно, что эти и многие другие персонажи поэзии В. Шибанова сделаны из другого теста, чем сам автор. Они словно не видят, не чувствуют, как рушится страна, как превращаются в руины мечты, ожидания отдельно взятого человека – лирического . Яĭ, представителя удмуртской гуманитарной интеллигенции.

Лирический субъект, репрезентированный в книге . ǂ sĭ, живет в общежитии, которое в преломлении воображения становится вместилищем духов, мифических существ, привидений. Они обитают не только здесь – их приютил Ижевск, он покровительствует им. В стихотворении . ǂ sĭ доры пыд куараосĭ (. Звуки шагов у дверейĭ) [Там же, с. 16] заточенный в свою . общежитскую кельюĭ лирический герой постоянно слышит звуки шагов за дверью – вполне привычное для общежития явление. Но воспринимающее сознание спорит с таким утверждением. Попытка идентифицировать то приближающиеся, то отступающие шаги . упираетсяĭ в мысль о них – тайных обитателях темных коридоров, улиц, разбитых ларьков, пустых автобусов, заблудившихся трамваев. Имплицированные персонажи – духи, души, тени, призраки – постоянные гости внешнего и внутреннего мира . Яĭ-героя. Он пребывает в непрерывном ожидании их прихода, появления. Дверь в рассматриваемом стихотворении символизирует хрупкую границу между личным пространством человека и городом, мифологическим континуумом. В любой момент она может быть нарушена. Субъект чувствует себя незащищенным, уязвимым, униженным.

В произведении . Тыныдĭ (. Тебелĭ) лирическое . Яĭ связывает свое личное одиночество, свои любовные поражения с коварством, жестокостью женского . Тыĭ. В тексте представлены две женские ипостаси – идеально-возвышенная и реалистично-корыстная. Любовь, чувства персонажа-мужчины обращены к первому женскому образу. Многие годы он жил надеждой на сближение, пребывал в неведении, мечтал о взаимности, не зная ее истинного лица. Когда случилось прозрение, молодость, лучшие годы остались далеко позади. Она сама закрывала перед ним двери – одну за другой, не впускала его в свою жизнь, отталкивала, упрекала: . Улон сюрес кузя вавышьямъям, / Тон ялан ворсаськод азам / Огзэ Фсэз, эшшо огзэ, эшшо – / Аслыд кудыр уг пот-а тумошо? / Тон зĕбиськод монэ улон инты ласянь, / Уждун ласянь; туннэ но семьятэк / Мон тон сэрэн; орчгытмтэ сюан, / Вордĕськымтэ нылы – / тынад со тыршемед...ĭ [Там же, с. 26]. / . По мере того, как я шагаю по дороге жизни, / Ты всё время закрываешь передо мной, / То одну дверь, то другую – / Иногда тебе не кажется это смешным? / Ты унижаешь меня из-за неимения квартиры, / Из-за зарплаты; И сегодня без семьи / Я из-за тебя; несостоявшаяся свадьба, / Неродившаяся дочка – это ты постаралась...ĭ.

О . закрытых дверяхĭ любви – стихотворение . ǂ sĭ (. Дверьĭ), которое дает название книге [Там же, с. 55-56]. Дверь для лирического субъекта становится символом любви, надежды, тайны, мистического ожидания. Она превращается в место паломничества: герой ходит-возвращается к ней, останавливается у последней черты, за которой – реальный человек, реальные отношения или их отсутствие. Комментируя данный поэтический сюжет, можно провести параллель с удмуртской традиционной культурой: согласно представлениям, некоторые вещи-предметы . замещалиĭ ушедших, покинувших отчий дом, превращались в своеобразные символы памяти. Дверь не только разделяет мужчину и женщину, ассоциируясь с тоской, волнением перед встречей, . дрожьюĭ воспоминаний. Она уникальна сама по себе, за ней скрывается нечто важное,

таинственное, космическое. Возможно, речь идет о любви – неземном, волшебном чувстве. Или – о поэтическом творчестве, в измерении которого совершаются удивительные открытия, постигается непостижимое на земле, по эту сторону , дверей жизни.

В стихотворении , Зырт кезыт кырынĭ (, На лютом холоде») представлен достаточно продуктивный в удмуртской лирике мотив – , Яĭ-субъект открывает дверь и одновременно открывает для возлюбленной себя, свое сердце: , Мон усътЪФме / Быдэсак, вФлмыт. / Мон усътЪФасме, / Сюлэмме – тыныд» [Там же, с. 65]. / , Я открыл свою дверь / Нараспашку. / Я открыл себя, / Свое сердце – тебе». Как и в тексте , Ёс» (, Дверь»), в интерпретируемом произведении актуализируется ситуация стояния-ожидания у двери, в данном контексте символизирующая сомнение, нерешительность женского , Ты», незнание, что делать с любовным чувством мужчины. В. Шибанов, поэтизируя безвременье женского ожидания, раздумья, обращается к образам, явлениям зимы: , Зырт кезыт кырын. / – Ойдо, пыр дорам. / Тон бен Фс куспын / СылЪкъкод ялан... / Тон бен Фс куспын / Могаькод ялан. / Синлысэд вылын / Ворекая марзан. / СылЪкъкод арня, / Кык... толэзь... но ар. / Уд но пырыськы, / Уд но кошкиськы. / Ёртыны тонэ / Мон уг быгатскы, / Ворсаны Фме но / Уг быгатскы. / Ульчаысь букос / ЖФкъФрын ини; / Верамтэ кыльёс / Южмамын ини...ĭ [Там же]. / , Очень холодно снаружи. / – Давай, заходи ко мне. / Ты же у дверей / Всё задерживаешься. / На твоих ресницах / Блестит жемчуг. / Ты стоишь неделю, / Две недели... месяц и год. / Ты и не заходишь, / И не уходишь. / Принудить тебя / Я не могу, / И закрыть свою дверь / Не могу. / Сугроб с улицы / Уже за столом, / Несказанные слова / Уже превратились в наледь...ĭ.

Окно в книге , Ёсĭ – один из центральных образов. Оно, в первую очередь, , отвечаетĭ за контакт лирического субъекта с макрокосмом, обычно враждебным по отношению к , Яĭ. Символ окна во многих стихотворениях семантически, ассоциативно связан с мифоцентрическим сознанием автора: всё, что происходит на границе окон, кажется неслучайным, несет знаковую информацию. В стихотворении , Укноме бубылилы усътĭĭ (, Открыл окно бабочкеĭ) окно играет роль и , выходаĭ в большой мир, и , входаĭ для мифосимволических посланий. Вместо ожидаемой бабочки в окно залетает шершень: , Укноме бубылилы усътЪ – / Нош лобзиз шФкыч. / Син азътЪортчиз со, сильсьФртЪĭ / Съод но ньозь но кыч... / Нош кытын-о тон, бубылие? / Укноме усътĭ вал ук тыныд! / Валантэм. / Сюлмын пычей порья. / Кин янгыш? Кызы шудбур тФлизиз? / Оло нош, укно усътон дырья / Бубыли ик / ШФкычлы пФрмиз?!ĭ [Там же]. / , Свое окно открыл бабочке – / А влетел шершень. / Перед глазами пролетел, за спиной: / Черный, упругий и дикий... / Но где ты, моя бабочка? / Свое окно открыл ведь тебе! / Непонятно. / В моем сердце жук-короед точит. / Кто виноват? Как счастье прошло? / А может быть, когда открыл окно / Бабочка / В шершня превратилась?!ĭ. Очевидно, что и окно, и насекомые вводятся в текст как семантически маркированные символы, выражающие авторскую идею, художественный замысел. В связи с этим актуальным представляется вопрос, что стоит за этими образами? , Подменаĭ насекомых гипотетически вполне может сигнализировать о разочаровании авторского , Яĭ в его действительности, положении – социальное недовольство в поэзии Шибанова нередко выражается нетривиальным художественно-образным языком. В целом поэтическое ощущение времени, эпохи у него часто перевешивает другие темы, мотивы, сентенции. Не исключено, что инсектный код привлекается для поэтического обыгрывания любовных диссонансов, мужского разочарования в женщине: нежная, мысленно ожидаемая бабочка в реальности оборачивается в ядоносного шершня. В стихотворении , Вожо дыр. Жыны уй чож тыныдĭ (, Святки. Половину ночи тебе...ĭ) лирический герой в святочную ночь рассказывает своей гостье ужасные истории. Он погружает себя и ее в состояние эзотерического предвкушения: еще чуть-чуть – в окно общежитской комнаты постучится , чернаяĭ пиковая дама: , Мон ачим ик кутски курданы, / Верамям пежырске йырсие, / Та сизьым этажысь укное / Съод кышно йыгаськод кадъ таний [Там же, с. 18]. / , Мне самому стало страшно, / По мере рассказа волосы встают дыбом, / В это окно на седьмом этаже / Вот-вот постучится Черная женщинаĭ. Примечательно, что в этом эпизоде поэт апеллирует не столько к удмуртским традиционным мифологическим представлениям, сколько к городскому молодежному фольклору – , чернуюĭ пиковую даму обычно вызывают подростки, рисуя ее на оконных стеклах. Образ окна употребляется в книге , Ёсĭ в ситуации, когда намечается сближение мужчины и женщины. Еще немного, и они полноценно будут вместе, неочевидная взаимность станет очевидной. Однако ничего хорошего не происходит: мужское , Яĭ стесняется, медлит, делает всё не так. В ответ на его неловкость, неумение преподнести себя звучат слова отрицания, реплики сопротивления, несогласия. , Венцомĭ сцены можно считать открытие окна девушкой – таким образом она лишает их свидание ореола интимности, инстинктивно указывает молодому человеку на выход, мысленно выставляет его: , Кык пФртэм гондырьёс тупазы / Мур гуэ, табере куспазы / Номыре но уз лу умоез. / Тон вѡлак усътЪкъкод укноезĭ [Там же, с. 20]. / , Два разных медведя попали / В глубокую берлогу, / Теперь между ними / Ничего не будет хорошего. / Ты распаиваешь окноĭ. Автор здесь цитирует удмуртскую поговорку: , Два медведя в берлоге не уживаютсяĭ. Мужской и женский персонажи в стихах В. Шибанова соревнуются в , разочаровательном красноречииĭ, образные символы нередко иллюстрируют безысходность их любовных устремлений, подчеркивают невыносимость нахождения двоих в одном замкнутом пространстве.

Окно как важнейшая часть общежитского интерьера упоминается в связи с насущными бытовыми потребностями и проблемами в жизни лирического героя. Оно при дефиците и дороговизне электронной техники в начале девяностых заменяет в зимнее время холодильник: , Шуак шунтЪв. / Ёж сіль но заезг сіль / Укно вылын небзиз. Янак кузя / Бызе нап, пож, горд ву...ĭ [Там же, с. 21]. / , Вдруг потеплело. / Баранина и гусятина / За окном обмякли. По подоконнику / Бежит густая, мутная, красная вода...ĭ. В приведенных

и оставленных за пределами цитации строках формулируется основная мысль всего цикла, «Пож вуй (Грязная вода)» – в первые постсоветские годы интеллигенту нужно жить малым, умерить свои потребительские аппетиты, смириться со своей бедностью. Так, герой цикла не в состоянии приобрести холодильник – это грустно, но не фатально. Есть подоконник, окна, которые являются альтернативой недостающему хозяйственному атрибуту. Лирический субъект в общежитском бытии пытается найти что-то позитивное, сравнивает свое нынешнее положение с тем, что было раньше. Комната представляется ему более выигрышным вариантом по сравнению с казармой: здесь среди прочего есть открытое миру / космосу окно. В стихотворении «Огъякоркай (Общежитие)» [Там же, с. 42] макрокосм, смотрящий в окна общежития, нарушает хрупкое внутреннее равновесие лирического персонажа. Он не может заснуть, садится на подоконник, задает себе вопросы, ответы на которые просто так не найти.

В книге «Хс» не обходится без ижевских окон, что тускло светят сквозь смог, дым заводов. Окна в представлении поэта – главный светильник города: солнца в столице Удмуртии почти не бывает, миром правят сумерки. Человек здесь постоянно пребывает в полусонном состоянии, в пессимистическом расположении духа. Окна в сборнике могут быть связаны и с другими урбанистическими хронотопами. В стихотворении «Сусыпуос» («Можжевелик») речь идет о витражах, окнах питерских соборов, которые ранее воспевал поэт. Архитектура Санкт-Петербурга обласкана вниманием писателей, отражена на страницах выдающихся произведений русской словесности. Удмуртский поэт, согласно В. Шибанову, должен быть, прежде всего, художником природы родного края, поклоняться лесам, деревьям малой родины, творчески передавать их скромную красоту.

Окошки подполья в тексте «Гулбечын (В подполье)» [Там же, с. 58-59] символизируют границу между мирами живых и мертвых – там, под домом, живут души умерших. И когда из окон подполья вылетают бабочки – их нельзя трогать, ловить, они посланники того света.

Анализ материалов книги «Хс» («Двери») показал, что двери и окна в смысловой структуре текста играют важную роль. Они определяются как сквозные символы, семиозис которых проходит в контексте этнофутуристического мифотворчества, априорных мифологических установок автора, его биографической реальности.

Сквозным мотивом vs дверь-окно в поэзии В. Шибанова и удмуртской поэзии в целом является их открытый / закрытый статус. Распахнув окна, двери, лирический субъект открывает свое сердце, душу, мысли, другому, увеличивает диапазон своей внутренней открытости. Внешняя среда в удмуртской поэзии, как выяснилось, редко бывает пассивной – она реагирует на самые разные человеческие проявления – любовь, расставание, одиночество, боль. В целом лирическому персонажу мучительно быть внутри себя, блуждать в лабиринтах своих потерь, проблем, неудач, поэтому двери (и особенно – окна) у удмуртских поэтов часто бывают открытыми. Открытость окна – одна из важнейших визуально-поэтических ситуаций, акцентирующих пейзаж, ландшафт и при этом показывающих человека изнутри. За окнами героев – небо, солнце, облака, месяц, деревья, птицы, дождь, гроза, времена года. Нередко в оконных стеклах отражается город. Мотив закрытости дверей / окон, как правило, связан с темой необратимости времени, с невозможностью вернуть годы детства, молодости, бывших возлюбленных, с нереализуемостью желаний, потребностей. Двери и окна в поэтическом преломлении В. Шибанова – знаковые психопоэтические символы, часто обращенные к женскому «Ты», метафоризирующие любовь и нелюбовь, встречи, разлуки, взаимность, отрешенность, память, забвение.

Список литературы

1. Цивьян Т. В. К семантике и поэтике вещи. Несколько примеров из русской прозы XX века // Семиотические путешествия. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2001. С. 121-137.
2. Шибанов В. Л. Ос. Ижевск: Инвожо, 2003. 69 с.

FIGURATIVE CONSTANTS *DOOR* AND *WINDOW* IN THE POETICAL WORLD OF VIKTOR SHIBANOV

Arzamazov Aleksei Andreevich, Ph. D. in Philology

Udmurt Institute of History, Language and Literature of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

arzami@rambler.ru

The article examines figurative constants *door* and *window* in the poetry by V. Shibanov – representative of the Udmurt ethno-futurism. The author reveals the basic artistic and semantic functions of the two images, identifies their associativity with the Udmurt traditional culture, mythological conceptions. Door and window in the poetical perception of V. Shibanov are multidimensional existential symbols characterizing the existence of a lyrical subject, his internal feelings, individual perception of time, space.

Key words and phrases: modern Udmurt poetry; ethno-futurism; artistic world; figurative system; Udmurt traditional culture; chronotope.